Baron de Baye.

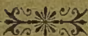
ENSEIGNEMENTS DE LA GUERRE.

Tiré à part des
ARCHIVES RUSSES
LIII-eme année.

Баронъ де Бай.

НРАВОУЧЕНІЯ ВОЙНЫ.

Отдѣльный оттискъ изъ
РУССКАГО АРХИВА,
издаваемаго
Петромъ Бартеневымъ (младшимъ).
LIII-ій годъ.

МОСКВА
Синодальная Типографія
1915.

Baron de Baye.

ENSEIGNEMENTS DE LA GUERRE.

Tiré à part des
ARCHIVES RUSSES
LIII-eme année.

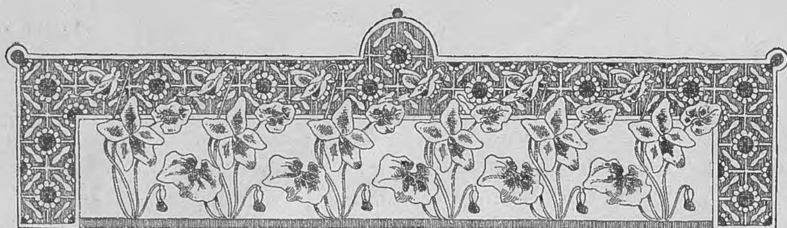
Баронъ де Бай.

НРАВОУЧЕНІЯ ВОЙНЫ.

Отдѣльный оттискъ изъ
РУССКАГО АРХИВА,
издаваемаго
Петромъ Бартеневымъ (младшимъ).
LIII-ій годъ.

МОСКВА
Синодальная Типографія
1915.

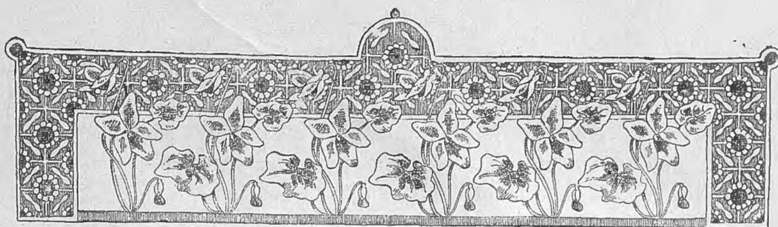
ENSEIGNEMENTS DE LA GUERRE.

La terrible guerre que nous traversons nous a instruit et nous a prémuni. Ses enseígnements, nous les devons méditer et mettre à profit, tant pour le présent que pour l'avenir. C'est au prix de bien grands sacrifices et de l'abandon subit de notre état de paix que des révélations impressionantes et imprévues ont saisi notre esprit et absorbé nos pensées. L'état de guerre a brusquement interrompu la vie phisique et morale à la quelle nous étions habitués; il nous a précipité dans une lutte gigantesque pour défendre notre vie nationale.

Cette métamorphose a exigé une souplesse infinie de tempérament dont nous aurions pu douter être capables. L'ennemi, en nous imposant insolemment cette transformation, nous la croyait fatale. Or, contrairement à ses prévisions, non pas avec résignation forcée, mais avec dignité au lien de nous affoler, nous avons mesuré le péril, nous l'avons regardé en face et l'énergie de lui tenir tête s'est aussitôt emparé de nous tous. Cette mutation s'est opérée avec une rapidité, une flexibilité, une volonté qui ont prouvé combien nos réserves de forces morales sont inépuisables, quand elles sont mises à contribution pour le salut de la Patrie.

L' admirable et intime collaboration de la France et de la Russie consacrée au maintien de la paix en Europe, a fait reculer l'heure de la guerre. Tandis qu'elles vivaient d'un fallacieux espoir d' une longue ère de paix, l'Allemagne mettait ce temps à profit pour préparer incidieusement l'exécution de ses perfides projets. Pour masquer son activité prodigieuse, elle se paraît tapageusement de sentiments pacifistes dont la bouche mensongère de son Empereur se faisait l' écho.

Cette guerre, qui est la lutte sans merci de la civilisation menacée contre la plus abjecte barbarie, a été, dès le début, fertile en leçons. Nous en retiendrons ici quelques unes.

НРАВОУЧЕНІЯ ВОЙНЫ.

Ужасная война, которую мы переживаемъ, научила насъ многому и отъ многаго предостерегаетъ. Мы должны вдуматься въ ея нравоученія и использовать ихъ, какъ въ настоящее время, такъ и въ будущемъ. Лишь цѣною великихъ жертвъ и благодаря внезапной потерѣ общаго мира, потрясающія неожиданныя разоблаченія поразили нашъ умъ и завладѣли нашими мыслями. Во время войны сразу оборвалась наша привычная тѣлесная и духовная жизнь; война ввергла насъ въ исполинскую борьбу на защиту національной жизни.

Такое превращеніе потребовало безконечной гибкости темперамента, въ способности къ коей мы имѣли основаніе усомниться. Врагъ, дерзко навязавшій намъ такое превращеніе, считалъ его роковымъ для насъ. Мы же, вопреки его предположеніямъ, выполняемъ свою задачу не съ вынужденной покорностью, но съ достоинствомъ. Вмѣсто того, чтобы любоваться собой, мы соразмѣрили опасность, взглянули ей въ глаза и въ насъ тотчасъ же родилось твердое намѣреніе помѣряться съ ней силами. Эта перемѣна произошла съ такой быстротой, легкостью, твердой волею, доказавшими, на сколько неисчерпаемы наши запасы нравственныхъ силъ тогда, когда къ нимъ прибѣгаютъ для спасенія Родины.

Удивительное и тѣсное сотрудничество Франціи и Россіи, посвященное сохраненію европейскаго мира, отсрочило начало войны. Пока обѣ страны жили обманчивой надеждой длительнаго мирнаго періода, Германія воспользовалась этимъ временемъ для того, чтобы коварно приготовиться къ выполненію своихъ вѣроломныхъ намѣреній. Для того, чтобы скрыть свою ужасную дѣятельность, она шумно выставляетъ на показъ свои миролюбивыя чувства, находящія откликъ въ лживыхъ устахъ ея Императора.

Эта война, эта безпощадная борьба цивилизаціи, находящейся въ опасности, съ самымъ гнуснымъ варварствомъ, съ самаго ея начала была чревата поученіями. Здѣсь мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Nous savons maintenant ce que faisaient en France, en Russie, en Belgique, en Angleterre les innombrables allemands qui y avaient élu domicile et s'y comportaient comme si ils se trouvaient chez eux. Ils étaient partout et faisaient de tout. Leur caractéristique était de se montrer serviables et même obséquieux. Ils pénétraient et s'attachaient comme des saugsues, tirant le sang ou l'or de leurs hôtes. Notre confiance imprudente et notre généreuse hospitalité nous avaient transformés insensiblement, sans que nous en doutions, en victimes d'une invasion continuelle et progressive.

Les Allemand se faisaient naturaliser français pour mieux servir l'Allemagne et propageaient livres et brochures destínés à susciter dans les âmes le dégoût de la guerre et l'amour d'un amolissant bienêtre.

Les aménités des Allemands naturalisés français etaient des trahisons; ils étaient devenus français pour donner le baiser de Iudas. Il ne se trouvait pas, avant la guerre, un seul Allemand en France qui ne fût un espion. Il en était sans doute de même dans les pays que l'Allemagne se proposait de combattre et de vaincre.

Pourquoi revenir sur le passé? me dira-t-on. Mais c'est parce que ce passé est un enseígnement dont le souvenir doit nous prémunir et dicter le devoir de la nation vis à vis de l'avenir. Hier notre loyauté a été victime de la perfidie de nos voisins d'Outre-Rhin. Après la guerre ils seront sans doute affaiblis, mais auront-ils abandonné leurs habitudes? seront-ils changés moralement? j'en doute. Ce qu'ils ont été hier pour nous, nous indique ce que nous devrons être demain pour eux.

Quoiqu'il arrive, la gnerre étant terminée, une grande partie de l'oeuvre de défense contre la barbarie restera à parachever. Alors l'union des alliés de l'heure présente sera, si possible, encore plus nécessaire. Cette nécessité ressort de la connaissance approfondie de l'action allemande exercée en Europe avant les hostilités et de l'attitude ainsi que des procédés en usage par les Allemands dans cette guerre qui, dès le début, a été la faillite de leur honneur.

Les Allemands ont abusé de l'hospitalité des peuples; après avoir spéculé sur leur imprévoyance, pour leur témoigner leur reconnaissance, ils les ont attaqué lâchement en connaissance de cause. Leur duplicité avait été servie par notre droiture.

Теперь мы знаемъ, что творили во Франціи, Россіи, Бельгіи и Англіи безчисленные нѣмцы, утвердившіеся тамъ и державшіе себя, какъ дома. Они были вездѣ и принимали участіе во всемъ. Ихъ отличительнымъ свойствомъ было желаніе казаться услужливыми и даже подслуживаться. Они проникали всюду и цѣплялись, какъ піявки, высасывая изъ своихъ хозяевъ или кровь или золото. Наша неосмотрительная довѣрчивость и благородное гостепріимство совершенно незамѣтно, такъ что мы сами и не подозрѣвали этого, сдѣлали насъ жертвами нашествія, постепенно подвигавшагося впередъ.

Нѣмцы дѣлались французскими гражданами для того, чтобы лучше служить Германіи, распространяя книги и брошюры, которыя должны были возбуждать въ людяхъ отвращеніе къ войнѣ и любовь къ разслабляющему благополучію.

Любезности нѣмцевъ, ставшихъ французскими гражданами, оказались предательствомъ; они стали французами для того, чтобы дать Іудинъ поцѣлуй. До войны во Франціи не было ни одного нѣмца, который не былъ бы шпіономъ. Несомнѣнно то же самое въ другихъ странахъ, съ которыми Германія предполагала сражаться и которыя собиралась побѣдить.

Мнѣ скажутъ: зачѣмъ возвращаться къ прошлому? Да потому, что это прошлое есть урокъ, воспоминаніе о которомъ должно предостеречь насъ и указать обязанности націи по отношенію къ будущему. Вчера наше прямодушіе стало жертвой измѣны нашихъ за-рейнскихъ сосѣдей. Послѣ войны они безъ сомнѣнія будутъ ослаблены, но оставятъ ли они свои привычки; измѣнятся ли они нравственно? Я сомнѣваюсь въ этомъ. То, чѣмъ они были для насъ вчера, указываетъ намъ, чѣмъ должны мы стать для нихъ завтра.

Чтобы тамъ ни было, а большую часть дѣла обороны придется заканчивать послѣ окончанія войны. Тогда единеніе теперешнихъ союзниковъ, если это возможно, станетъ еще болѣе необходимымъ. Эта необходимость вытекаетъ изъ болѣе обширнаго знакомства съ дѣяніями германцевъ въ Европѣ до начала военныхъ дѣйствій, изъ положенія дѣлъ во время войны, а также изъ поступковъ, совершенныхъ нѣмцами на этой войнѣ, которая съ самаго начала была крушеніемъ ихъ чести.

Германцы злоупотребили гостепріимствомъ народовъ; съигравъ на ихъ недальновидности, они, зная положеніе дѣлъ, изъ чувства благодарности подло напали на нихъ. Наша прямота послужила на пользу ихъ двойственности.

Pourquoi, comme a excellement dit M. Hanotaux[1]), ne pas préparer, dès maintenant, une autre guerre et même une après guerre qui seraient pour l'Allemagne la plus redoutable riposte au complot économique par lequel elle a prétendu asservir le monde?

Les bases d'une fédération morale et économique permanente entre les six nations alliées sont à l'étude; nous souhaitons que, prochainement établie, elle soit après la guerre, la force de l'Europe de demain. Créer cette entente, y participer, la soutenir, c'est remplir un devoir sacré vis à vis de l'avenir, vis à vis de l'humanité. C'est seulement depuis la guerre que nous et nos alliés avons mesuré l'étendue et les dangers de la pénétration allemande, à nous et à nos alliés de prendre les mesures pour empêcher son retour.

Multiples sont les leçons de la guerre. L'une d'elles nous montre quel but, était visé par l'Allemagne. But visé avec méthode. Il faut savoir haïr avec méthode, a dit Keim. Et le but est pour suivi avec une haïne méthodique. Son objectif est l'asservissement de l'Europe et même des autres parties du monde à la „Kultur" allemande; c'est à dire à cette Kultur que la guerre a rendu l'équivalent de la barbarie.

Un tel but ne peut être inspiré que par un orgueil déséquilibré, car il n'a pas de limites. Pour l'atteindre, l'Allemagne, durant des années, s'est formidablement armée. Confiante dans sa force, elle s'est crue capable de tout oser. Le plan adopté par elle est de toute témérité; il est basé sur l' assurance de l'invincibilité de sa force et la persuasion que la force est la seule puissance dominatrice de l'humanité. Grande serait l'erreur de croire que le but poursuivi est exclusivement une conception de l'Empereur, de ses généraux, de ses officiers; non c'est le but de l'Allemagne entière entraînée par la volonté de conquérir une domination absolue; c'est une ruée, c'est une curée où tous cherchent un butin. Grégoire de Tours avait dit des Allemands au VI-siècle „c'est une race de proie" depuis lors, elle n'a cessé de mériter ce qualificatif. Aujourd'hui, depuis la famille régnante d'Allemagne jusqu'au bourgeois ou paysan devenu soldat, tous jugent le pillage comme un haut fait de guerre et le pratiquent méthodiquement. Du premier au dernier allemand, le but visé par cette guerre et les moyens employés pour l'atteindre, ont reçu approbation et encouragement.

---

[1]) Figaro du 20 septembre 1915.

Почему, какъ прекрасно выразился г-нъ Ханото[1]), теперь же не начать приготовленій къ иной войнѣ, даже къ войнѣ послѣ мира, которая была бы для Германіи самымъ страшнымъ отвѣтомъ на экономическій заговоръ, которымъ она вздумала поработить міръ?

Основы постояннаго нравственнаго и экономическаго союза шести объединившихся державъ нынѣ изучаются; мы надѣемся, что такой союзъ въ скоромъ времени будетъ учрежденъ и что по окончаніи войны онъ станетъ силой будущей Европы. Создать такое соглашеніе, принять въ немъ участіе, поддержать его, значитъ исполнить священный долгъ по отношенію къ будущему, по отношенію къ человѣчеству. Только послѣ того, какъ началась война, мы и наши союзники постигли размѣры и опасность нѣмецкаго засилья. Намъ и нашимъ союзникамъ нужно принять мѣры для того, чтобы помѣшать возврату этого засилья.

Многочисленны уроки, преподанные войной. Одинъ изъ нихъ показываетъ намъ, какой цѣли добивалась Германія; цѣли, преслѣдуемой систематически. Нужно умѣть ненавидѣть систематически, сказалъ Киймъ. И цѣль преслѣдуется съ систематической ненавистью. Предметъ ея—порабощеніе Европы и даже другихъ частей свѣта нѣмецкой „Kultur", т. е. той Kultur, которую война сравняла съ варварствомъ.

Подобной цѣлью можетъ воодушевиться только неустойчивое честолюбіе, потому что эта цѣль безгранична. Для достиженія ея Германія въ теченіи долгихъ лѣтъ грозно вооружалась. Вѣря въ свои силы, она считала себя способной на какое угодно дерзновеніе. Избранный ею планъ есть сама дерзость; онъ основывается на увѣренности въ несокрушимости ея силъ и на томъ убѣжденіи, что сила есть единственная власть, господствующая надъ человѣчествомъ. Большой ошибкой было бы думать, что преслѣдуемая цѣль есть исключительно созданіе Императора, его генераловъ, его офицеровъ; нѣтъ, это цѣль всей Германіи, увлеченной желаніемъ отвоевать себѣ полное господство; это орава, это свора, гдѣ каждый ищетъ себѣ добычи. Въ VI-мъ вѣкѣ Григорій де-Туръ сказалъ о нѣмцахъ: „Это хищная раса", и съ тѣхъ поръ она не переставала подтверждать это опредѣленіе. Теперь, начиная съ германскаго царствующаго дома и кончая послѣднимъ бюргеромъ или крестьяниномъ, ставшимъ солдатомъ, всѣ считаютъ грабежъ благороднымъ военнымъ дѣломъ и занимаются имъ систематически. У нѣмцевъ, отъ перваго до послѣдняго, цѣль, намѣченная этой войною, и средства, примѣняемыя для ея достиженія, встрѣчены съ одобреніемъ и поощреніемъ.

---

[1]) Фигаро, 20 сентября 1915 г.

Un des enseignements de cette guerre a été de nous apprendre quel histrion était le chef de nos ennemis. Car nos ennemis n'ont qu'un chef qui a asservi l'Autriche et la Turquie. Ses alliés spadassins sont ses humbles et obéissants esclaves, travaillant pour lui à main d'oeuvre. D'abord le vieillard autrichien qui a abdiqué sa dignité en se soumettant aux exigences d'un implacable tyran; vieillard qui semble ignorer que la tombe qui l'attend, en se fermant sur son cadavre, ouvrira pour lui le livre de l'histoire. Et l'histoire, inflexible justicière, marquera de son sceau de réprobation celui qui a associé les armées aux ruines des monuments sacrés et civils et a protégé le croissant usurpateur de la croix sur les dômes de St. Sophie. La mort, en oubliant l'octogénaire, a voulu qu'il survive à son abaissement pour en voir le châtiment.

Esclaves de l'histrion en question sont les jeunes turcs. Les jeunes turcs ne sont plus maintenant qu'une réunion de vagues fantoches qui ont vendu leur patrie défiguree à l'Allemagne. Leur devise: union et progrès, signifie union avec l'Allemagne et progrès entre la civilisation.

Que dire de la nouvelle alliée de l'Allemagne: la Bulgarie? Sa noire ingratitude a pris la forme d'une indigne trahison. La Bulgarie créée par la Russie, comblée de bienfaits par la Russie, toujours protégée par la Russie ressemble, dans son geste actuel au fils qui marche résolûment contre son père. L'Allemagne a soudoyé le gonvernement bulgare, le payant grassement, dans le but de le rendre à la fois parricide et fratricide. Le créateur de la Bulgarie et la Serbie, sa soeur, vengeront l'honneur slave souillé par le honteux trafic d'un suppôt de l'Allemagne qui doit sa couronne à la magnanimité de la Russie. Ce suppôt a reçu plus d'or que Judas. L'Allemagne aura acheté la Bulgarie ainsi qu'elle tente d'en acheter d'autres. Les acheteurs ont naturellement le mépris de ceux qui se sont vendus. „Il faut que la nation bulgare, si réaliste qu'elle soit, voie clairement, dans toute son horreur, le crime contre elle même où l'entraine son roi“ [1]).

La moralité des alliés de l'Allemagne et leur bassesse sont bien harmonisées avec la mentalité de celui qui les conduit tambour battant et canon tonnant. Je ne crois pas avoir trop dit en disant de lui qu'il était un histrion. Il a si bien joué le rôle de protecteur de la paix pendant qu'il préparait la guerre! Il a endormi l'Europe d'un sommeil

---

[1]) Polybe. Le monument du Tzar Libérateur. Figaro 26 septembre 1915.

Одно изъ поученій настоящей войны говоритъ намъ о томъ, какимъ фигляромъ былъ вождь нашихъ враговъ. Потому что у нашихъ враговъ одинъ вождь, поработившій Австрію и Турцію.

Забіяки союзники—его покорные и преданные рабы, не покладающіе для него рукъ. Прежде всего это австрійскій старецъ, отрекшійся отъ своего достоинства, покорившись требованіямъ неумолимаго деспота; старецъ, который какъ будто не знаетъ, что ожидающая его могила, поглотивъ его трупъ, откроетъ для него книгу исторіи. А исторія, неумолимый судья, отмѣтитъ печатью позора того, кто привлекъ свои арміи къ разрушенію священныхъ и гражданскихъ памятниковъ, покровительствовалъ полумѣсяцу, изгнавши крестъ съ собора Св. Софіи. Смерть, забывшая восьмидесятилѣтняго старца, хочетъ, чтобы онъ пережилъ этотъ упадокъ для того, чтобы испытать кару.

Рабы фигляра, о которыхъ идетъ рѣчь, младотурки. Теперь младотурки являются не болѣе какъ собраніемъ безличныхъ куколъ, продавшихъ Германіи свою исковерканную родину. Ихъ девизъ: единеніе и прогрессъ, означаетъ единеніе съ Германіей и прогрессъ, направленный противъ цивилизаціи.

Что сказать о новой союзницѣ Германіи—Болгаріи? Ея черная неблагодарность приняла видъ подлой измѣны. Болгарія, созданная Россіей, облагодѣтельствованная Россіей, всегда находившаяся подъ покровительствомъ Россіи, своимъ теперешнимъ поступкомъ напоминаетъ сына, сознательно поднявшаго руку на отца. Германія подкупила болгарское правительство, заплативъ крупную сумму съ цѣлью сдѣлать его одновременно и отцеубійцей, и братоубійцей. Создатель Болгаріи и ея сестры Сербіи отомститъ за славянскую честь, попранную позорнымъ торгомъ одного изъ сообщниковъ Германіи, который носитъ корону, благодаря великодушію Россіи.

Этотъ приспѣшникъ получилъ больше золота, чѣмъ Іуда. Германія купила Болгарію такъ же, какъ она пытается купить другія страны. Естественно, что покупатели презираютъ тѣхъ, которые имъ продаются. „Нужно чтобы болгарскій народъ, какимъ бы онъ ни былъ реалистомъ, ясно во всемъ своемъ ужасѣ увидѣлъ преступленіе противъ себя самого, къ которому его увлекаетъ его король“ [1]).

Нравственность союзниковъ Германіи и ихъ низость отлично согласуются съ психологіей того, кто предводительствуетъ ими подъ барабанный бой и грохотъ орудій. Не думаю, чтобы я преувеличивалъ, назвавъ его скоморохомъ. Онъ такъ хорошо игралъ роль защитника мира въ то время, какъ подготовлялъ войну! Онъ мирнымъ сномъ

---

1) Полибій. Памятникъ Царю-Освободителю. Фигаро, 26 сентября 1915 г.

pacifique, tel un criminel qui sourit à sa victime en lui versant un stupéfiant. Certes, il a mis de l'art dans ses turbulentes manifestations en faveur de la paix ce sont des chefs d'oeuvre de mensonge. Il les prodiguait, tandis que, dans l'enfer de Krupp, il ordonnait la multiplication infinie des engins de destruction.

Après avoir constaté l'effet produit par son masque d'Empereur de la paix et s'être assuré que l'Europe se croyait en sécurité, il changea de masque et prit celui de Mars et peu après celui de Belzébut. Sa première manière fût l'hypocrisie, la seconde le banditisme et le terrorisme. La guerre nous en a instruit simultanément.

En somme, avant la guerre, Guillaume II semblait une énigme te la guerre nous á enseigné ce qu'il est et de quoi il est capable. Que cette leçon de la guerre nous prémunisse, car le souverain a modelé ses sujets à son image.

La guerre nous a appris que, pour le Kaiser, les traités ne comptent pas plus que la parole donnée. Ceci est bon a retenir en vue de l'avenir.

Ce délice du genre humain, comme le désignent les „Boches", pour me servir d'un mot adopté, après avoir déchiré les chiffons de papier, s'est fait connaître comme un incendiaire et un assassin. Incendiaire de monuments religieux, civils, de trésors d'art, de tout ce qu'il pouvait détruire sans aucun motif de guerre. Et ces crimes sont méthodiquement perpétrés. Tout était prêt: les pompes pour arroser de pétrole et les engins incendiaires pour embraser de flammes des édifices, des quartiers, des villes entières. Puisque, tout était prêt d'avance pour agir de la sorte, c'est que l'Allemagne avait décidé et prévu la forme qu'elle a voulu imprimer à la guerre.

L'incendiaire était doublé d'un assassin de paisibles habitants de villes conquises, de gens sans armes et sans défense, c'est à dire de civils, de vieillards, de femmes, d'enfans dont la mort bien souvent était précédée de mutilations et de tortures. Dans ce cas, le chef suprême qui ordonne et le soldat qui exécute sont des boureaux. Nous connaissons par les rapports officiels le rafinement d'inhumanité et l'assouvissement d'une jouissance bestiale et sadique qui ont présidé à ces cruautés sans nom; aussi nous n'y insisterons pas, car il faudrait rappeler des scènes ignobles qu'il répugne de conter en public. L'incendie

убаюкалъ Европу; таковъ преступникъ, улыбающійся своей жертвѣ, подливая ему зелья. Конечно, онъ былъ искусенъ въ своихъ наглыхъ выступленіяхъ въ пользу мира, это лучшіе образчики лжи. Онъ расточалъ ихъ, а между тѣмъ въ Крупповскомъ аду приказывалъ безконечно увеличивать количество орудій истребленія.

Увидѣвъ, что личина Императора-миролюбца произвела должное впечатлѣніе, и убѣдившись въ томъ, что Европа считаетъ себя въ безопасности, онъ перемѣнилъ эту личину и вмѣсто нея надѣлъ сначала маску Марга, а потомъ и Вельзевула. Первымъ образомъ его дѣйствій было лицемѣріе, а вторымъ разбойничество и терроризмъ. Война одновременно обнаружила и то и другое.

Въ общемъ, до войны Вильгельмъ II казался загадкой, и война научила насъ тому, кто онъ въ дѣйствительности и на что способенъ. Пусть этотъ урокъ войны предостережетъ насъ, потому что государь создаетъ себѣ подданныхъ по собственному своему подобію.

Война научила насъ тому, что для Кайзера договоры не цѣнятся дороже даннаго слова. Это полезно запомнить для будущаго.

Эта услада рода человѣческаго, по опредѣленію „Бошей“ [1]), разорвавъ клочки бумаги, проявилъ себя какъ поджигатель и убійца. Поджигатель церковныхъ и гражданскихъ памятниковъ, сокровищъ искусства, всего, что онъ могъ истребить безъ малѣйшей военной надобности. И эти преступленія совершались систематически. Все было приготовлено: насосы для поливки керосиномъ и зажигательные снаряды для того, чтобы огонь охватывалъ зданія, кварталы, цѣлые города. Такъ какъ все было заранѣе приготовлено для того, чтобы дѣйствовать такимъ образомъ, стало быть Германія заранѣе избрала и опредѣлила ту форму, которую она хотѣла придать войнѣ.

Поджигательство сопровождалось убійствомъ мирныхъ жителей занятыхъ городовъ, людей безоружныхъ и беззащитныхъ, т. е. гражданъ, стариковъ, женщинъ, дѣтей, смерти которыхъ часто предшествовали увѣчья и пытки. Въ такомъ случаѣ высшій начальникъ, отдающій приказъ, и солдатъ, исполняющій его—оба палачи. Изъ оффиціальныхъ докладовъ мы узнаемъ объ утонченной безчеловѣчности, о животныхъ и садическихъ утѣхахъ, предшествовавшихъ неимовѣрнымъ жестокостямъ; мы не будемъ на нихъ останавливаться, потому что намъ пришлось бы упоминать о гнусныхъ сценахъ, о которыхъ противно говорить открыто. Пожаръ и убійство,—вотъ что внушило

---

[1]) Бошами называютъ нѣмцевъ во французскихъ войскахъ.

et l'assassinat, voilà ce qui a inspiré aux Allemands l'idée de décerner à celui qui les gouverne le titre de „délice du genre humain". Devant un tel cynisme, on se demande à quel degré de dégradation morale est tombé l'intellectualité de l'Allemagne.

Dans la Revue des deux mondes nous trouvons le portrait suivant qui mérite d'être cité ici: „Pour i'Allemagne, Guillaume II était vraiment le surhomme, l'homme Dieu. Elle tolérait de lui ce que les humanités les moins chrétiennes ont pu tolérer de leurs Dieux. Il avait rarement la douceur du christ, rarement la sagesse de l'Esprit, plus rarement la Souveraine équité du Père. Il brandissait plus souvent le tonnere de Iahvéh. Il avait la férocité et les exigences du Dieu de Ber-Shceba ou d'Assour. Il lui arrivait de tenir sa parole la plus solennelle comme un simple Mercure. Et, s'il avait le panache et le fracas de Mars, il n'en avait pas toujours l'audace et l'endurance"[1]).

Donc, le délice du genre humain est en outre un surhomme, comme dit le peuple allemand. Les intellectuels tudesques aiment à proclamer que le peuple allemand est l'envoyé de Dieu. Et ces esprits forts germaniques tiennent le langage que voici. „L'Esprit c'est nous, la matière c'est eux". Eux désigne sans ambages tous ceux qui ne sont pas Allemands ou soumis aux Allemands-Matière sont les Français; matière sont les Russes; matière sont les Serbes et les Monténégrins; matière sont les Italiens; matière sont les Anglais; matière sont les Japonais. Je crois lire dans les cerveaux teutons dévoyés: matière aussi sont les neutres; matière qu'ils cherchent en vain à rendre maléable pour la transformer en esprits à leur façon. Que Dieu préserve les neutres d'être transformés en esprits germaniques!

Tout ce qui nous est enseigné et dévoilé par cette guerre est suggestif. Nous y trouvons la preuve de l'orgueil du souverain égalée par celui de son peuple. Nous y voyons dans leur démence les têtes de la haute Kultur déménager avec la même facilité que leur surhomme emploie à voler du front oriental au front occidental.

La guerre nous apprend-elle quelle est la religion professée ou inventée par le surhomme ou plutôt qu'elle est celle qui le peut revendiquer comme son disciple? Un surhomme n'est pas, ne peut pas être disciple, il est maître et le maître, pour les circonstances présentes, a découvert

---

[1]) Victor Bérard. L'Eternelle Allemagne. Revue des Deux Mondes. Juillet 1915.

нѣмцамъ мысль посвятить тому, кто ими правитъ, имя „услады рода человѣческаго“. Спрашивается, при такомъ то цинизмѣ—до какой же степени нравственнаго разложенія дошла нѣмецкая интеллигенція?

Въ Revue des deux Mondes мы находимъ слѣдующій портретъ, достойный того, чтобы помѣстить его здѣсь. „Для Германіи Вильгельмъ II былъ дѣйствительно сверхъ-человѣкомъ, человѣко-Богомъ. Она терпѣла отъ него то, что народы менѣе всего христіанскіе могли терпѣть отъ своихъ боговъ. Онъ рѣдко проявлялъ кротость Христа, такъ же рѣдко—мудрость Духа, еще рѣже царственную справедливость Отца. Гораздо чаще онъ расточалъ громы Іеговы. Онъ обладалъ жестокостью и волей бога Бершеба или Ассура и предъявлялъ ихъ требованія. Онъ часто держалъ торжественно данное слово, какъ Меркурій. И если онъ носилъ шлемъ и доспѣхи Марса, то не всегда обладалъ его отвагой и выносливостью“ [1]).

Стало быть, услада рода человѣческаго къ тому же и сверхъчеловѣкъ, какъ говоритъ нѣмецкій народъ. Германскіе интеллигенты любятъ заявлять, что нѣмецкій народъ—избранникъ Божій. А германскіе передовые умы говорятъ вотъ какимъ языкомъ: „Духъ—это мы, матерія—это они“. Они коротко и ясно опредѣляютъ всѣхъ тѣхъ, кто не нѣмцы и тѣхъ, кто подчиненъ нѣмцамъ: матерія—это французы; матерія—русскіе, матерія—сербы и черногорцы; матерія—итальянцы; матерія—англичане; матерія—японцы. Мнѣ кажется, что я читаю въ умахъ заблудшихъ тевтоновъ: матерія—это всѣ нейтральныя страны; матерія, которую они тщетно стараются одушевить ее для того, чтобы потомъ перекроить на свой салтыкъ. Да сохранитъ Господь нейтральныя страны отъ преобразованій германскаго духа!

Все, что намъ преподано и разоблачено этой войной, все это знаменательно. Здѣсь мы находимъ доказательства честолюбія государя, равнаго честолюбію его народа. Здѣсь мы видимъ, какъ лучшіе умы высшей Kultur въ безуміи своемъ тупѣютъ съ такою же легкостью, какую ихъ сверхъ-человѣкъ употребляетъ для того, чтобы переноситься съ восточнаго фронта на западный.

Показываетъ ли намъ война—какова религія, исповѣдуемая или выдуманная сверхъ-человѣкомъ, или, скорѣе, какова та религія, которая можетъ признать его своимъ ученикомъ? Сверхъ-человѣкъ не подчиняется, онъ не можетъ подчиниться, онъ господинъ, и для данныхъ обстоятельствъ этотъ господинъ изобрѣлъ какого-то

---

[1]) Викторъ Берáръ. Вѣчная Германія. Revue des deux Mondes. Іюль 1915 года.

un vieux Dieu; il le traite même de bon vieux Dieu. Sans doute divinité païenne de la Germanie; pour elle les bûchers, les incendies; pour elle les victimes martyrisées, égorgées; pour elle les hécatombes, les sacrifices humains, en France, en Belgique, en Russie, en Serbie. Comme ce bon vieux Dieu doit être satisfait et repu! Je ne voudrais pas jurer que ce bon vieux Dieu ne soit pas apparenté à Bacchus, si l'on en juge par les bitations de ses adorateurs. Ils ont, en son honneur, vidé toutes les caves, en y célébrant des bacchanales dont le Kronprinz était souvent le héros. Du romantisme allemand de jadis au paganisme germain d'aujourd'hui, quel changement!

Tout est permis au surhomme même et surtout les infidélités. Après avoir sacrifié au bon vieux Dieu, il s'inspire de Luther. Luther a formé Bismarck et ces deux géants de l'histoire allemande ont rapetissé Guillaume II.

„Le Luthérianisme est chose spécifiquement germanique, a très justement dit M. Victor Bérard. Les autres chrétiens ne comprirent la réforme que sous le mode tout différent et rationnellement français du calvinisme. L'Allemagne luthérienne fût un Syndicat de Princes qui se réclamaient de la Bible pour avoir le droit de se passer du Pape et de l'Empereur" [1]) Evidemment le Kaïser fait partie du Syndicat; Il tient à ce titre, néanmoins, le surhomme se souvenant que son armée allemande et autrichienne compte un nombre considérable de catholiques, il envoie des messages hypocrites au Saint Père. J'aime à croire qu'il a évité d'y mentionner son vieux Dieu et Luther, qu'il a omis de narrer les massacres de prêtres et les destructions d'églises.

Nous connaissons des gravures de propagande où figure une image de la Sainte Vierge accostée d'un côté du portrait du Pape et de l'autre côté de celui du Kaïser. Que penser de semblables procédés? On sait que la religion de Luther n'admet pas le culte de la Sainte Vierge et ne reconnaît pas l'autorité pontificale. Mais, pour le surhomme, tous les moyens sont bons et les scrupules sont inconnus.

Jugez en par la proclamation de Guillaume II aux Polonais publiée lors de l'occupation par les barbares de Czentokhow.

„Polonais, vous n'avez pas oublié naturellement comment un soir la cloche du Saint monastère de Swiatogorsky a commencé de sonner

[1]) L'Eternelle Allemagne revue des Deux Mondes. Juillet 1915.

стараго Бога; онъ даже обращается съ нимъ, какъ со старымъ Боженькой. Это конечно языческое божество Германіи; для него зажигаются костры и пожары; ему приносятся замученныя, задушенныя жертвы; для него созидаются гекатомбы человѣческихъ жертвъ во Франціи, въ Бельгіи, Россіи и Сербіи. Какъ должно быть сытъ и доволенъ этотъ старый Богъ! Я не стану клясться, что этотъ старый добрый Богъ сродни Бахусу, если судить о немъ по возліяніямъ его поклонниковъ. Въ честь его они опорожнили всѣ погреба, празднуя тамъ оргіи, героемъ которыхъ часто былъ Кронпринцъ. Отъ прежняго германскаго романтизма къ сегодняшнему язычеству, какой переходъ!

Сверхчеловѣку позволено все, а особенно измѣна. Принеся жертву старому доброму Богу, онъ вдохновляется Лютеромъ. Лютеръ создалъ Бисмарка. А эти два германскіе великана умалили Вильгельма II.

„Лютеранство есть явленіе исключительно германское, совершенно вѣрно сказалъ г-нъ Викторъ Бераръ. Остальныя христіанскія народности восприняли реформацію въ совершенно особомъ, разумно-французскомъ видѣ кальвинизма. Лютеранская Германія была союзомъ Государей, ссылавшихся на Библію для того, чтобы имѣть право обойтись безъ Папы и Императора"[1]). Кайзеръ, очевидно, принимаетъ участіе въ синдикатѣ. Тѣмъ не менѣе онъ держится за этотъ титулъ, сверхчеловѣкъ вспоминаетъ однако, что среди его германско-австрійской арміи насчитывается значительное число католиковъ, онъ шлетъ лицемѣрныхъ пословъ къ Святому Отцу. Хочется вѣрить, что въ этомъ посольствѣ онъ старался не упоминать о своемъ старомъ Богѣ и Лютерѣ, что онъ пропустилъ разсказы объ убійствѣ священниковъ и о разрушеніи церквей.

Намъ извѣстны распространявшіяся въ народѣ картинки, на которыхъ рядомъ съ изображеніемъ Святой Дѣвы нарисованъ съ одной стороны портретъ Папы, а съ другой—Кайзера. Что можно подумать о подобныхъ поступкахъ? Извѣстно, что религія Лютера не признаетъ культа Святой Дѣвы и отвергаетъ папскую власть. Но для сверхчеловѣка всѣ средства хороши и сомнѣнія ему невѣдомы.

Судите объ этомъ по воззванію Вильгельма II къ полякамъ, опубликованному во время занятій варварами Ченстохова.

„Поляки, вы конечно не забыли, какъ однажды вечеромъ безъ всякаго людского участія, колоколъ Святогорскаго монастыря началъ

---

[1]) Вѣчная Германія. Revue des deux Mondes. Іюль 1915 г.

sans une intervention humaine et qu'alors toutes les personnes pieuses comprirent qu'un grand et important événement avait été signalé par ce miracle. Cet événement, c'était ma décision d' engager la guerre avec la Russie, de restaurer les saints de la Pologne et d'annexer ce pays à l'Allemagne".

„J'ai fait un admirable rêve, la Vierge m'apparaissait et me commandait de sauver son couvent que le danger avait menacé. Elle me regardait avec des larmes dans les yeux et je décidai de remplir le commandement divin".

„Sachez cela, Polonais, et accueillez mes soldats comme des frères et des sauveurs. Sachez, Polonais, que ceux qui sont contre moi périront".

„Dieu est avec moi et aussi la Sainte Vierge. Elle a levé le glaive de l'Allemagne pour secourir la Pologne" [1]).

Un tel piège est trop grossier pour inspirer autre chose qu'un profond dégoût pour l'auteur de cet outrage aux croyances les plus respectables. Il y a là une grave injure et une profanation impie.

La guerre nous réservait de la part du surhomme d'autres enseignements, d'autres surprises. J'ignore si Allah ou Mahomet est aussi apparu au surhomme. Dans tous les cas, il s'est érigé en défenseur du croissant, cherchant à soulever tout l'Islam. Il voulait se mettre à la tête d'une véritable croisade mahométane. Il n'a trouvé pour le suivre que les trop jeunes turcs, les a couvert de croix de fer et leur a ordonné, sous la férule de généraux et d'officiers allemands, d'envoyer à la boucherie des troupeaux humains qui se font et se feront bravement décimer pour le bon plaisir du Roi de Prusse.

Il est utile de faire remarquer que les projets caressés par le Kaïser ont été déjoués. En effet la déclaration de la guerre sainte n'a pas entamé le loyalisme des musulmans qui combattaient sous le drapean britannique, sous le drapeau russe et sous le drapeau français.

La lampe que fait brûler le surhomme sur le tombeau de Saladin a des lueurs sinistres et des reflets de sang. Elle s'éteindra le jour où

---

[1]) Extrait du Gaulois du premier novembre 1914.

звонить, и что тогда всѣ набожные люди поняли, что такое чудо означало наступленіе событія величайшей важности. Этимъ событіемъ было принятое мною рѣшеніе начать войну съ Россіей, возстановить польскія святыни и присоединить эту страну къ Германіи.

Мнѣ приснился чудный сонъ, явилась Св. Дѣва и приказала мнѣ спасти ея монастырь отъ угрожавшей ему опасности. Она смотрѣла на меня со слезами на глазахъ и я рѣшилъ исполнить божественное приказаніе.

Знайте объ этомъ, поляки, и встрѣчайте моихъ солдатъ какъ братьевъ и спасителей. Знайте, поляки, что тотъ, кто противъ меня, погибнетъ.

Со мной Богъ, а также Святая Дѣва. Она подняла мечъ Германіи для того, чтобы помочь Польшѣ" [1]).

Подобная ловушка слишкомъ груба для того, чтобы не вызвать какого нибудь иного чувства, кромѣ глубокаго отвращенія къ оскорбителю, самыхъ наисвященныхъ вѣрованій. Въ этомъ есть глубокое оскорбленіе и безстыдное кощунство.

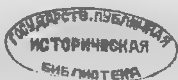
Война приготовила намъ другія нравоученія, другія неожиданности со стороны сверхчеловѣка. Не знаю, являлись ли ему тоже Аллахъ или Магометъ. Во всякомъ случаѣ, онъ выставилъ себя защитникомъ полумѣсяца, стараясь возмутить весь Исламъ. Онъ захотѣлъ стать во главѣ настоящаго магометанскаго крестоваго похода. Онъ нашелъ себѣ послѣдователей только среди слишкомъ молодыхъ турокъ, осыпалъ ихъ желѣзными крестами, и, подъ давленіемъ нѣмецкихъ генераловъ и офицеровъ, приказалъ имъ посылать на бойню толпы людей, которыя спокойно позволяютъ и будутъ позволять опустошать свои ряды въ угоду Прусскому Королю.

Полезно будетъ замѣтить, что планы, взлелѣянные Кайзеромъ, были разрушены. Въ самомъ дѣлѣ, объявленіе священной войны не поколебало преданности мусульманъ, сражавшихся подъ знаменами англійскими, русскими и французскими.

Лампада, зажженная сверхчеловѣкомъ надъ гробницей Саладина, отливаетъ мрачнымъ свѣтомъ и даетъ кровавые отблески. Она угаснетъ въ тотъ день, когда окончится царствованіе младотурокъ, бывшихъ орудіемъ въ рукахъ Вильгельма—Окровавленнаго, и своего рода игрушкой для дѣтскаго ума Франца Іосифа, котораго дряхлость довела до степени полнаго нравственнаго упадка, чѣмъ и воспользовался его деспотическій союзникъ.

---

[1]) Выдержка изъ Gaulois, 1-го ноября 1914 г.

prendra fin le règne de ces jeunes turcs qui ont été l'instrument de Guillanme le Sanguinaire et une sorte de jouet pour le cerveau infantile de François Joseph dont la sénilité accuse une déchéance morale mise à profit par son allié tyrannique.

Toutes les formes de religiosités adoptées et mises à contribution concurremment ou successivement en une seule année par Guillaume II, nous révêlent la complexité de son esprit déséquilibré. Ses légions qu'il sacrifie volontiers à sa gloire le saluent encore de ce cri: „Morituri te salutant". Il possède, malgré tout, le prestige; mais le jour viendra ou terrible la réaction des masses n'aura d'égal que l'écrasement de l'orgueil déçu de celui qui les aura conduit à la ruine. Ce sera l'heure de la justice solennelle et victorieuse. Mais n'anticipons pas. Nous voulons faire ici des constatations et non des prophélies.

Revenons au surhomme incendiaire. Incendiait-il, détruisait-il les monuments historiques uniquement pour que Berlin illumine et pavoise pour célébrer ses hauts faits? Oui, sans doute, car ce souverain sue l'orgueil. Mais en outre il recherchait une satisfaction plus durable pour sa renommée, plus féroce pour ses ennemis. Il voulait détruire ce que l'art avait rendu immortel; il voulait anéantir ce que l'histoire avait de témoins glorieux. Les attentats répétés contre Notre Dame de Paris indiquent bien le but visé: guerre à l'histoire et ensevelissement des ennemis vaincus sous les ruines de leurs édifices. Le surhomme entendait porter le coup fatal aux nations déchues en supprimant les traces de leur passé et en traitant en esclaves ceux qui avaient survécu à son action Meurtrière. Ses projets de victoires, de conquêtes, il les a conçus pour la plus grande joie de l'Allemagne entière; mais c'est par une attention particulière pour les intellectuels, fabricants de Kultur, qu'il a brûlé l'Université de Louvain, le musée de Reims pour ne citer que deux faits parmi bien d'autres dont l'énumération serait trop longue. Et les monuments civils, pourquoi donc les a-t-il détruits? Pour monter qu'il prétend faire table rase des pouvoirs civils qui y siégeaient depuis des siècles et les remplacer par des agents de l'organisation germanique auxquels on aurait construit des locaux dans le goût déplorable de l'art art allemand moderne. Ce qu'il n'a pu voler, il le détruisit et il traîta les volés en coupables, il les emprisonna, les exporta quand ils n'étaient pas mis á mort. Voilà quelques uns des rêves qui hantaient et qui hantent encore le cerveau du délice du genre humain. Il incarne la perversion de l'idée religieuse et exalte les passions criminelles.

Всѣ виды религіозности, принятые и пущенные въ ходъ Вильгельмомъ II-мъ одновременно или послѣдовательно въ теченіи одного года, раскрываютъ передъ нами сложность его неустойчиваго ума. Его полки, которые онъ добровольно приноситъ въ жертву своей славѣ, все еще привѣтствуютъ его крикомъ: „Morituri te salutant". Онъ пользуется, несмотря на все, обаяніемъ; но наступитъ день, когда ужасная реакція массъ будетъ имѣть слѣдствіемъ уничтоженіе падшей гордости того, кто привелъ ихъ къ гибели. Наступитъ часъ торжественнаго и славнаго правосудія. Но не будемъ предупреждать событія. Мы хотимъ подвести здѣсь итоги, а не заниматься предсказаніями.

Вернемся къ сверхчеловѣку—поджигателю. Сжигалъ-ли, уничтожалъ-ли онъ историческіе памятники единственно для того, чтобы Берлинъ былъ иллюминованъ и расцвѣченъ флагами, празднуя его подвиги? Да, безъ сомнѣнія, потому что этотъ Государь источаетъ честолюбіе. Но кромѣ того, онъ изъискивалъ удовлетворенія болѣе прочнаго для своей репутаціи, болѣе жестокаго для враговъ своихъ. Онъ захотѣлъ уничтожить то, что искусство сдѣлало безсмертнымъ; онъ захотѣлъ обратить въ ничто славныхъ свидѣтелей исторіи. Повторныя нападенія на Соборъ Парижской Богоматери хорошо указываютъ намѣченную цѣль: война съ исторіей и погребеніе побѣжденныхъ враговъ подъ развалинами разрушенныхъ зданій.

Сверхчеловѣкъ намѣревался нанести роковой ударъ одряхлѣвшимъ народамъ, уничтоживъ слѣды ихъ прошлаго и обративъ въ рабовъ тѣхъ, которые пережили его смертоносное дѣло. Планы побѣдъ, завоеваній онъ составилъ на великую радость всей Германіи; но по особому вниманію къ интеллигентамъ, фабрикантамъ Kultur'ы, онъ сжегъ Лувенскій университетъ и Реймскій Соборъ, если упоминать только объ этихъ двухъ событіяхъ среди множества другихъ, перечисленіе которыхъ заняло бы слишкомъ много времени. А гражданскіе памятники, для чего же онъ ихъ уничтожилъ? Для того, чтобы показать, что онъ хочетъ сравнять съ землей гражданскія государства, которыя основались тамъ въ теченіи вѣковъ и замѣнить ихъ творцами германской организаціи, для которой будутъ построены подходящія помѣщенія въ плачевномъ стилѣ современнаго нѣмецкаго искусства. То, что онъ не смогъ украсть, онъ уничтожилъ, а съ обокраденными обращался какъ съ преступниками, онъ сажалъ ихъ въ тюрьмы, ссылалъ ихъ въ томъ случаѣ, если они не были умерщвлены. Вотъ нѣкоторыя изъ сновидѣній, посѣщавшихъ и все еще посѣщающихъ мозгъ услады рода человѣческаго. Это воплощенное извращеніе религіозной идеи, возбуждающее преступныя страсти.

Selon ma pensée le crime, pour la perpétration du quel le Kaïser a employé le plus d'acharnement, a montré le plus de haïne et de persévérance, c'est le bombardement et l'incendie de la basilique de Reims. Il y a déployé le summum de sa puissance démoniaque et de ses talents infernaux. Il s'acharnait, et cela pendant de longs mois, contre cette merveille robuste comme ceux qui l'avaient édifiée, parée avec amour par des artistes géniaux, vénérée par sa sainteté, respectée comme un reliquaire national, admirée par l'Univers et considérée non pas seulement comme l'apanage exclusif de la France, mais comme la propriété du monde civilisé.

La Kultur allemande a condamné à mort cette beauté.

Maintenant je m'adresse à vous, gens de Moscou, vous qui avez comme mission la conservation intacte des traditions historiques et nationales de votre chère Patrie, vous qui en connaissez la valeur, vous qui gardez comme un trésor inapréciable dans votre Kremlin sacré les représentants immortels de votre grandeur, le temple de Dieu et le palais de l'Empereur. Vous avez frémi d'indignation lorsque les barbares du XX-e siècle ont détruit à Reims notre cathédrale historique et nationale. Les innombrables protestations que j'ai transmises à la Société des Antiquaires de France, au Louvre, en font foi. En son nom, je vous en remercie avec émotion.

Vous aimez votre cathédrale de l'Assomption parce que ce sanctuaire glorifie par sa splendeur séculaire votre protecteur céleste, parce qu'il célèbre solennellement votre glorieux passé, parce que vous et vos Tzar y ont prié. Si les barbares d'aujourd'hui l'avaient incendié, l'avaient bombardé, l'avaient martyrisé durant des mois entiers, je laisse à penser quel eût été le déchirement et le deuil de votre coeur. Ce qu'est pour vous depuis des siècles votre admirable cathédrale de l'Assomption est pour nous depuis des siècles notre basilique rémoise. Basilique qui n'est plus qu'un squelette décapité de sa gracieuse flèche et dont les deux tours tels des bras mutilés offrent au ciel le suprême sacrifice. Les cloches, le carillon, le gros bourdon, chantres divins, sont muets! Le dernier souverain qu'ils avaient salué et fêté fût votre Auguste Empereur, au soir de la revue de Bétheny.

Là où tout est maintenant ruines, là l'histoire de France s'était glorieusement déroulée dans toute son étendue et sa splendeur. Rien n'etait trop beau pour orner ce berceau et ce témoin de nos grandeurs.

По моему мнѣнію, преступленіе, къ увѣковѣченію котораго Кайзеръ приложилъ наибольшее рвеніе, всего больше выказалъ ненависти и настойчивости, это бомбардировка и пожаръ Реймскаго Собора. Здѣсь онъ развернулъ всю совокупность своей діавольской власти и своихъ адскихъ талантовъ. Въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ онъ потрудился надъ величественнымъ зданіемъ, какъ тѣ, которые его воздвигли, которые съ любовью украшали его при помощи геніальныхъ художниковъ, почитали его за его святыни, чтили его какъ національную реликвію, и весь міръ восхищался имъ и считалъ его не только исключительнымъ достояніемъ Франціи, но собственностью всего цивилизованнаго міра. Нѣмецкая Kultur приговорила къ смерти такую красоту.

Теперь я обращаюсь къ вамъ, москвичи, вамъ, считающимъ своимъ назначеніемъ неприкосновенную охрану историческихъ и народныхъ преданій вашей дорогой Родины, вамъ, знающимъ имъ цѣну, вамъ, какъ неоцѣненное сокровище, хранящимъ въ священномъ вашемъ Кремлѣ безсмертные знаки вашего величія, храмы Божіи и дворецъ Императора. Вы дрогнули отъ негодованія, когда дикари XX-го вѣка разрушили нашъ историческій и національный памятникъ, Реймскій Соборъ. Безчисленныя выраженія негодованія, переданныя черезъ меня Французскому Археологическому Обществу въ Луврѣ, подтверждають это. Отъ имени общества, я, въ глубокомъ волненіи, приношу вамъ свою благодарность.

Вы любите свой Успенскій Соборъ, потому что эта святыня вѣковымъ своимъ величіемъ славитъ вашего небеснаго покровителя, потому что она торжественно величаетъ ваше славное прошлое, потому что тамъ молились вы и ваши Цари. Если бы современные дикари его подожгли, бомбардировали, терзали бы его въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ, я представляю себѣ, каковы были бы терзанія и печаль вашего сердца. То, чѣмъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ былъ для васъ Успенскій Соборъ, тѣмъ же цѣлыя столѣтія былъ для насъ нашъ Реймскій Соборъ. Базилика, отъ которой остался только обезглавленный остовъ, лишенный своего дивнаго шпиля, а обѣ его башни поднимаются къ небу какъ принесенныя въ жертву обрубленныя руки. Колокола, ихъ перезвонъ, главный колоколъ, небесные пѣвцы—они нѣмы! Послѣднимъ Государемъ, котораго они привѣтствовали и торжественно встрѣчали, былъ вашъ Августѣйшій Императоръ, въ тотъ вечеръ, когда былъ смотръ Betheny.

Тамъ, гдѣ теперь все лежитъ въ развалинахъ, тамъ исторія Франціи торжественно развернулась во всемъ своемъ величіи и широтѣ. Не было ничего достаточно красиваго для того, чтобы украсить эту

L'édifice à la majesté du quel un culte d'admiration mondiale était consacré fût détruit par le plus monstrueux des sacrilèges.

Je fais appel au coeur des moscovites qui interprêteront éloquemment les sentiments de la Russie entière en face de la pitié de notre cité de Reims. Qu'ils envoient là bas, où tout est ruine, un écho de leur confraternité émue.

Devant le portail délabré de la cathédrale, sur le parvis jonché de statues mutilées de Saints, de dentelles de pierre lacérées, de cloches fondues, de monceaux de débris variés; sur le parvis entouré de demeures brûleés et effondrées; au milieu de cette désolation et de ce silence de la mort, se dresse vivante, intacte, vaillante, triomphante la Statue de Jeanne d'Arc. Elle lève son glaive invincible et vengeur vers le ciel.

Les barbares, dans leur furie de destruction, n'ont pas pu l'anéantir. Contre cette statue de notre protectrice leurs efforts, leur haïne, leur rage sont demeurés impuissants. Comme la statue de Jeanne, la France demeure noble, fière, digne, vaillante face à l'ennemi et, à l'exemple de Jeanne elle chassera l'envahisseur du sol sacré.

Les Allemands à coups d'obus n'ont pas pu effleurer notre statue de Jeanne à Reims. Mais, pour l'honneur de la France, cette sainte nationale devait être proscrite d'Allemagne et en subir un outrage. Cette consécration manquait à sa gloire. Monseigneur Beuzler, évêque de Metz, vient de banir Jeanne d'Arc de toutes les églises de son diocèse. A-t-il accompli cet acte pour complaire au confident impérial du vieux Dieu des Hohenzollern? C'est vraisemblable.

„Il faut voir, dans cette manifestation nouvelle, un trait de l'atroce mentalité teutone. Par nature et d'instinct, le Germain est profanateur et destructeur. Le courage et la pureté de Jeanne, incarnation sublime de la vertu française, ne pouvaient laisser indifférents nos ennemis. Cette noble et grande figure devait les choquer. Allemands, enlevez de vos églises, pendant que la Lorraine est encore à vous, les effigies de Jeanne d'Arc. Nous les y rétablirons bientôt, clairons sonnant, tambours battant, dans les sanctuaires parifiés par la victoire[1]).

L'Evêque de Metz n'est pas le seul membre du clergé ayant fait entendre des paroles ou le caractère du pontife cède le pas à celui du

---

[1]) Georges Ohner. La Proscrite. Gaulois du 15 mai 1915.

колыбель и свидѣтельницу нашего величія. Надъ зданіемъ, величію котораго воздавалось всемірное поклоненіе, было совершено самое чудовищное святотатство.

Я взываю къ сердцамъ москвичей, такъ краснорѣчиво выразившихъ чувства, взволновавшія всю Россію по поводу несчастія, постигшаго Реймсъ. Да пошлютъ они откликъ волнующихъ ихъ братскихъ чувствъ туда, гдѣ все стоитъ въ развалинахъ.

Передъ истерзаннымъ порталомъ Собора, на паперти, усыпанной обломками изуродованныхъ статуй святыхъ, мелкими осколками камней, разбитыми колоколами, грудами всевозможныхъ обломковъ; на паперти, окруженной сожженными и разрушенными жилищами; среди всего этого опустошенія и мертвой тишины—живая, нетронутая, бодрая и торжествующая высится статуя Жанны д' Аркъ. Она воздѣваетъ къ небу свой непобѣдимый мечь-мститель.

Варвары, во всей своей разрушительной ярости, не смогли уничтожить этотъ памятникъ. Всѣ ихъ усилія, ненависть и бѣшенство оказались безсильными передъ этой статуей нашей заступницы. Франція, какъ и статуя Жанны д' Аркъ, останется благородной, гордой, достойной, доблестно смотрящей въ лицо врагу, и по примѣру Жанны, изгонитъ завоевателя со священной земли.

Снарядами нѣмцы не могли задѣть статуи Жанны д' Аркъ въ Реймсѣ. Но, къ чести Франціи, эта національная святая должна была быть изгнана изъ Германіи и получить отъ нея оскорбленіе. Этого освященія не хватало ея славѣ. Его Высокопреосвященство, Метцкій епископъ Бейцлеръ, изгналъ Жанну д' Аркъ изъ всѣхъ церквей своей епархіи. Не для того ли онъ совершилъ этотъ поступокъ, чтобы угодить императорскому наперснику стараго Бога Гогенцоллерновъ! Это вѣроятно.

„Въ этомъ новомъ выступленіи мы видимъ образчикъ дикой тевтонской психологіи. По природнымъ инстинктамъ Германецъ—святотатецъ и разрушитель. Мужество и чистота Жанны, божественное воплощеніе французской доблести, не могли оставить равнодушными нашихъ враговъ. Ихъ оскорбляла эта благородная, великая личность. Нѣмцы, пока Лотарингія еще ваша, вынесите изъ церквей всѣ образа Жанны д' Аркъ. Мы скоро вернемъ ихъ на старыя мѣста при звукахъ рожка и съ барабаннымъ боемъ, вернемъ ихъ въ святилища, очищенныя побѣдой“ [1]).

Епископъ Метцкій не единственной членъ духовнаго сословія, заставившій насъ выслушать слова, смыслъ которыхъ обнаруживаетъ

---

[1]) Жоржъ Онэ. Изгнанница. Gaulois, 15 мая 1915 г.

courtisan. Les cardinaux von Bettinger, archevêque de Munich, et von Hartmann, archevêque de Cologne, ont jugé bon de fulminer contre le livre: „La guerre allemande et le catholicisme" rédigé par Monseigneur Baudrillart sous le patronage d'un comité en tête du quel figurent, comme présidents d'honneur les cardinaux archevêques de Reims et de Paris.

Voici le texte du télégramme envoyé par les deux prélats allemands au Kaïser:

„Révoltés par les calomnies contre la patrie allemande et contre sa glorieuse armée contenues dans le livre: „La guerre allemande et le catholicisme", nous exprimons à votre majesté au nom de l'épiscopat allemand tout entier notre douloureuse indignation et ne manquerons pas de déposer une plainte devant le chef suprême de l'Eglise[1])".

Le silence des cardinaux allemand eût été politique. Leur douloureuse indignation est l'approbation des atrocités commises par cette armée qu'ils disent glorieuse. L'épiscopat allemand à l'unisson des intellectuels athés encensant le délice du genre humain, quelle bassesse! La différence d'attitude entre l'épiscopat allemand et l'épiscopat français est beaucoup plus à l'honneur de celui-ci que de celui là. Celui-ci stigmatise l'horreur des églises détruites, des objets du culte profanés, des prêtres massacrés, en cela il accomplit son devoir. Celui là traite ces vérités de calomnies pour flatter le souverain fanteur de ces crimes. Le jour viendra pourtant où l'épiscopat allemand sera contraint comme le clergé allemand, comme les catholiques allemands, comme le peuple allemand tout entier, d'ouvrir les yeux à l'évidence. Il se prépare pour ce jour là des remords cuisants et la plus douloureuse des humiliations.

Il résulte de ces faits ce qu'il faut bien faire ressortir à savoir que cette guerre n'est pas une guerre de religion. La preuve en est qu'il se trouve des catholiques dans les deux partis belligérants. Il y a d'un côté des catholiques combattant pour la civilisation et, de l'autre côté, des catholiques qui combattent contre la civilisation. Il en est de même pour les protestants et les membres des diverses confessions. N'y a-t-il pas dans les armées françaises, comme dans les armées russes des catholiques, des protestants, des musulmans qui tous remplissent leurs devoirs vis à vis de leur patrie avec le même admirable héroïsme,

---

[1]) Le Figaro du 23 Juin 1915 citant le Journal de Genêve et la Gazette de cologne. Voir l'article de M-e de Narfon: «L'Episcopat allemand et la cause Francaise».

не служителя церкви, а придворнаго. Кардиналы фонъ-Беттинеръ, Мюнхенскій архіепископъ, и фонъ-Гартманнъ, архіепископъ Кёльнскій, сочли нужнымъ обрушиться на книгу „Нѣмецкая война и католицизмъ“, изданную Его Высокопреосвященствомъ о. Бодрильяромъ подъ руководствомъ комитета, во главѣ котораго стоятъ, въ качествѣ почетныхъ предсѣдателей, кардиналы-архіепископы Реймса и Парижа.

Вотъ содержаніе депеши, посланной Кайзеру обоими нѣмецкими архіереями:

„Возмущенные клеветою на германскую родину и ея славную армію, заключающеюся въ книгѣ „Нѣмецкая война и католицизмъ“, отъ имени всѣхъ нѣмецкихъ епископовъ мы выражаемъ вашему Величеству наше скорбное негодованіе и не замедлимъ обратиться съ жалобой къ верховному вождю церкви“ [1]).

Молчаніе нѣмецкихъ кардиналовъ было дипломатіей. Ихъ скорбное негодованіе было одобреніемъ звѣрствъ, совершенныхъ этой арміей, которую они называютъ славной.

Нѣмецкіе епископы, согласно съ интеллигентами—атеистами кадящіе фиміамъ усладѣ рода человѣческаго, что за низость [2])!

Но все же настанетъ день, когда нѣмецкіе архіереи вмѣстѣ съ нѣмецкимъ духовенствомъ, вмѣстѣ съ нѣмецкими католиками и со всѣмъ нѣмецкимъ народомъ, будутъ принуждены прозрѣть передъ очевидностью. Къ тому дню въ нихъ заговорятъ самыя жестокія угрызѣнія совѣсти и самое горькое раскаяніе.

Какъ и слѣдовало ожидать, изъ всего этого вытекаетъ, что эта война не есть война религіозная. Доказательствомъ этому служитъ то обстоятельство, что католики находятся въ обѣихъ сражающихся арміяхъ. Съ одной стороны есть католики, борющіеся за цивилизацію, а съ другой стороны—католики, воюющіе съ цивилизаціей. То же самое съ протестантами и членами другихъ исповѣданій. Развѣ во французскихъ войскахъ, какъ и въ русскихъ, нѣтъ католиковъ, протестантовъ, мусульманъ, которые исполняютъ свой долгъ передъ родиной съ равнымъ геройствомъ достойнымъ удивленія, зная, что въ

[1]) Фигаро, 23 іюня 1915 г., приводитъ выдержки изъ Женевскаго журнала и Кёльнской газеты. См. статью г-на Нарфонъ: Нѣмецкое духовенство и Франція.

[2]) Разница между нѣмецкими и французскими епископами оказывается гораздо болѣе въ пользу послѣднихъ. Эти, нося на себѣ знаки разрушенныхъ церквей, оскверненныхъ святынь, убитыхъ священниковъ, не смотря на все это, исполняютъ свой долгъ; тѣ считаютъ все это клеветой, чтобы польстить этими злодѣйствами державному шуту.

sachant que, dans cette guerre, leur patrie sert la cause du droit et de la civilisation? Quant aux catholiques et aux orthodoxes slaves sur lesquels pèse encore la servitude autrichienne, ils ne sont pas à blâmer mais à plaindre. La force brutale du joug qui pèse sur eux les conduit à la boucherie en attendant que les survivants d'entre eux, enfin libérés, retrouvent en Europe la place qui leur revient sous l'égide de la Russie la quelle a déjà conquis, dans sa collaboration à l'oeuvre actuelle, l'admiration du monde.

La vie est l'ensemble des forces qui s'opposent à la mort. Or, à l'heure actuelle, les forces des nations combattues par l' Allemagne sont les facteurs moraux et physiques qui s'opposent à leur mort et exaltent leur vitalité.

Si nous avons insisté sur les formes barbares adoptées dans cette guerre par nos ennemis et leur chef, c'est pour que, parmi nos chers amis et alliés russes, ceux qui nous liront aient une connaissance aussi étendue que possible du danger qui les menace autant que nous.

Lasson, de l'Université de Berlin, explique que les armées de Guillaume II ont, non seulement le droit, mais aussi le devoir de réduire par la force à la soumission politique et à la servitude économique les peuples inférieurs et parmi eux il range les „brutes russes".

En réponse à cette stupide provocation, la Russie combat en Guillaume II un émule de Genghiz-Khan et de Tamerlan, elle lutte contre le véritable fléau de Dieu et contre ses hordes de brutes teutones.

Notre vieille et constante admiration pour la Russie nous la fait trouver plus belle et plus grande encore en ces jours où ses fils, dans un superbe élan d'héroïsme, mélangent le plus pur de leur sang avec celui de ses frères de France. Ce sang est le symbole de l'union des âmes; ce sang est le gage précieux de l'amour de la Patrie; ce sang libérateur et généreux est une semence de gloire. Le soleil de la justice la fera germer, la Victoire la fera s'épanouir. Alors, l'Histoire immortalisera la gestation de cette semence qui aura accompli la rançon triomphante du salut de l'Europe et du monde.

Le Tzar, pére et souverain, aura parfait cette oeuvre de rédemption avec l'appui de ses fidèles alliés. Il aura acquit, devant l'Univers et la postérité, le double titre de libérateur des opprimés et de bienfaiteur de l'humanité.

Baron de Baye.

Moscou, octobre 1915.

этой войнѣ ихъ родина отстаиваетъ право и цивилизацію? Что касается католиковъ и православныхъ славянъ, надъ которыми еще тяготѣетъ австрійское рабство, то они заслуживаютъ не порицанія, а сожалѣнія. Грубая сила тяготѣющаго надъ ними ига ведетъ ихъ на бойню, но когда нибудь оставшіеся въ живыхъ, наконецъ, освободятся и займутъ въ Европѣ подобающее имъ мѣсто, ставъ подъ защиту Россіи, которая, сотрудничая на пользу общаго дѣла, уже завоевала восхищеніе всего міра.

Жизнь есть совокупность силъ, противящихся смерти. Въ настоящее же время силы народовъ, побѣжденныхъ Германіей, являются нравственными и физическими двигателями, сопротивляющимися смерти и возбуждающими ихъ жизненныя силы.

Если мы остановились на варварскихъ способахъ, принятыхъ въ этой войнѣ нашими врагами и ихъ вождемъ, то сдѣлали это для того, чтобы дорогіе наши русскіе друзья и союзники, которые будутъ читать эти строки, были по мѣрѣ возможности хорошо освѣдомлены объ опасности, угрожающей имъ въ той же мѣрѣ, какъ и намъ.

Лассонъ, изъ Берлинскаго Университета, заявляетъ, что войска Вильгельма II имѣютъ не только право, но и считаютъ своей обязанностью силою обращать въ политическое и экономическое рабство низшія націи, и среди нихъ онъ ставитъ и „русскихъ скотовъ".

Въ отвѣтъ на этотъ тупоумный вызовъ Россія воюетъ съ Вильгельмомъ II, соперникомъ Чингисъ-Хана и Тамерлана, она борется съ истиннымъ бичемъ Божіимъ и его ордами тевтонскихъ звѣрей.

Наше давнее и неизмѣнное восхищеніе Россіей заставляетъ насъ видѣть ее еще болѣе великой въ эти дни, когда ея сыны въ прекрасномъ геройскомъ порывѣ проливаютъ благороднѣйшую кровь свою рядомъ со своими французскими братьями. Эта кровь—символъ единенія душъ; эта кровь—драгоцѣнный залогъ любви къ Родинѣ; эта кровь благороднаго освобожденія—посѣвъ славы. Солнце справедливости взраститъ ее. Побѣда дастъ ей расцвѣтъ. Тогда то Исторія увѣковѣчитъ плодъ этого посѣва, который внесетъ торжественный выкупъ за спасеніе Европы и всего міра.

Царь, отецъ и повелитель, завершитъ дѣло искупленія, опираясь на своихъ вѣрныхъ союзниковъ. Передъ Вселенной и потомствомъ онъ завоюетъ себѣ двойное наименованіе,—освободителя угнетенныхъ и благодѣтеля человѣчества.

Баронъ де Бай.

Москва. Октябрь 1915 года.

Les Archives Russes édit.
Moscou, Arbat, Dienejny, 3.

Изданіе Русскаго Архива.
Москва, Арбатъ, Денежный, 3.